

ТАЛАНТЫ И ПОКЛОНИКИ

**ВОСЕМЬ ЛЕТ ОТДАЛА СЛУЖЕНИЮ ПАМЯТИ ПОЭТССЫ ЕВГЕНИИ ЯНИЩИЦ
СЕЛЬСКАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА ПОРЕЧСКОЙ ШКОЛЫ АНТОНИНА СИДОРУК**

Тина КЛЫКОВСКАЯ

Отправляя меня в Поречье, местные краеведы рассказывали об Антонине Павловне: «Она, может, пару раз снай, Янищиз, встречалась, а вот музей собирает, ходит по инстанциям, добивается разрешения на открытие». Оказалось — не пару. Да и похожи они чем-то, учительница Антонина и поэтесса Евгения, уроженки этих мест, почти ровесницы...

Люди беззаборно отнеслись к архивам Евгении Янищиз. Да и сама не слишком-то тряслась над юношескими рукописями, заметками. Антонина Павловна успела завладеть школьными аттестатами Евгении Янищиз — вместе с другим «блеском» родственники собирались его сжечь. Что же, их можно понять — такими нелепыми и ненужными кажутся вещи, сопутствовавшие трагически оборвавшейся жизни дорогого человека...

В поречскую школу весть о гибели поэтессы пришла в воскресенье, во время проходившего в коридоре родительского собрания (актового зала в школе нет). Зазвонил телефон в учительской. Антонина Сидорук сняла трубку и первой в деревне узнала страшное. Окаменело вышла к родителям, сказала какие-то слова. На этом собрание закончилось. Несколько дней спустя приехал Сергей Понизник, привез подробности. Для школы, для педагогического коллектива это был шок в особенности. Ведь буквально считанные недели назад поэтесса в очередной раз приезжала на родину, чтобы вместе с матерью отметить свое сорокалетие.

«Приезжала Женя обычно во время школьных экзаменов, сразу вливалась в наш учительский круг, скромная, простая, она избегала своей известности. Получалось — как будто работала она с нами», — продолжает Антонина Павловна. Иногда привозила своих друзей, часто приходили они к нам с Евдокией Лось...»

«Что ей был тот Минск, съел он ее, нужно было на родину ей возвращаться, глядишь, и не случилось бы такого», — не раз за последние годы доводилось мне слышать и такое мнение.

В руках сельской учительницы — нарядный альбомчик для стихов, раньше такие выпускали. Рядом — полуобщая тетрадка с пожелтевшими страницами в синем коленкоре. Дневник пятнадцатилетней Жени Янищиз. «С этого стихотворения я и начала писать...

Бывай, бывай, Да новый стречы.
Не думай, любы, сумаваць,
Лепш паглядзі — дзіўосны вечар,
І не хапае слоў сказаць
Аб прыгажосці дзіўнай гэтай,
Аб новых сцежках на снагу...»

Антонина Павловна дает читать своим ученикам именно эти, несо-

вершенные еще стихи старшеклассницы Жени. И дети почему-то предпочитают их другим, тянутся к ним сердцем.

А самое первое стихотворение Женя написала в четвертом классе, написала его, конечно же, о маме, но мать, как водится, поначалу не придала никакого значения этому поэтическому опыту. Зато в старших классах Женю частенько стали печатать районная, областная газеты, выделяли ей даже газетную полосу, обязательно — с фотографией. Эти вырезки тоже заботливо хранят архив Антонины Сидорук. Как и письма Жени поэту из Бреста Василию Жуковичу, подписанные шутливо — «Ясьельянка» — от названия неторопливой Ясьельды, плавной дугой охватывающей Полесье.

Почти год, оглушенные горем близкие Евгении Янищиз вообще не говорили о каком-либоувековечении памяти. На протяжении года Антонина Сидорук и уже вышедший на пенсию учитель Федор Федорович Цудило ждали — не обратиться ли кто в деревню, в школу за материалом. Тщетно. И тогда Антонина Павловна решилась: «буду собирать сама.

Потому что Евгения — наша, и не должна просто так истлеть память о ней». О музее в первые годы, ясное дело, и не помышляла. Позвонила в мерчицкую школу, где Женя проучилась четыре года, — там ответили: «Нет, мы этим заниматься не будем». Но материал все же стал находиться. Поначалу ученики искали вырезки в старых газетных подшивках. Затем накопилось 55 страничек юношеских рукописей Евгении. Когда же Антонина Павловна отважилась по-тревожить материальное горе и отправилась в Рудку, оказалось, что в отчим доме Янищиз ничего практически нет. Напомнив о дальнем родстве, рассказал о планируемой экспозиции, взяла то-се у матери, у брата. Ездила потом второй раз, третий, возила по крохам. До слез горячалась: «Люди это разбрасывают, не понимая, чем владеют». Сын поэтессы хотел продать часть архива Купаловскому музею, но мать не позволила — пока не будет музея на родине, в школе. Антонина Павловна же заговорила о музее три года назад, за это время набила себе шишек и наконец пошла напролом. Почему-то в слове «музей» многие ответственные чиновники видели лишь дополнительные для себя хлопоты.

Иногда доходило до курьезов: звонят Антонине Павловне из института усовершенствования педагогических кадров, примите, дескать, группу учителей белорусского языка, прочтите им курс по Янищиз (к тому времени учительница уже признали «специем»). Поехала с директором к дому поэтессы, а там — лишь бурьян по пояс, а до приезда гостей — считанные минуты. Кинулись по соседям, прося о помощи.

Стоимость дома, где прошли детство и юность Янищиз, эксперты оценили в 143 миллиона. Именно в этом доме решено было открыть музей. Но племянники Евгении согласились лишь сменить дом на квартиру в городе или продасть за сумму, на порядок большую. Такой «обмен» государству оказался, по-нятно, не по карману, и, когда Антонина Павловна Сидорук в очередной раз отправилась со своим «талмудом» к председателю райисполкома («Самые бесценные документы взяла, дневник ее взяла, чтобы душу его пронять»), разговор состоялся с позиций здравого смысла: открытие музея в доме требует баснословных сумм, хотя бы на ремонт, а в школе все будет под присмотром, да и лучше, если будут эти материалы поближе к детишкам. В общем, создавать музей решили в школе. Скоро приедет из Минска в Поречье бригада художников...

Неприятнее всего поразило Антонину Павловну нежелание белорусских литераторов помочь музею, например дополнить раздел материалов, относящихся к студенческим годам Евгении. О более позднем периоде ее жизни написано много, а вот молодость, первые шаги в литературных кругах... Она ведь тогда уже вовсю печаталась, уже Геннадий Буракин отредактировал первый ее сборник «Снежная грамница», уже сложились у нее устойчивые отношения с поэтами, прозаиками. Но большинство их, тех, к кому обращалась Антонина Павловна с просьбой о помощи, даже не отклинулись, — то ли заняты люди, то ли черная зависть гложет с быльих времен, то ли привычным стало высокомерное отмахивание от «захолустья». А ведь поречский музей станет, кажется, истинным хранителем памяти о Янищиз.

Есть и другое. Недавно на заседании пинских властей обсуждался вопрос о присвоении одной из улиц города имени Евгении Янищиз. Заседание сорвали ветераны, подняв страшный шум и заявив, что они не знают такой поэтессы...

Впору повторить вслед за молодым поэтом, нашим современником:

...Шаноўная пані Янішчыц,
Да вас я спазніуся с хаканнем...